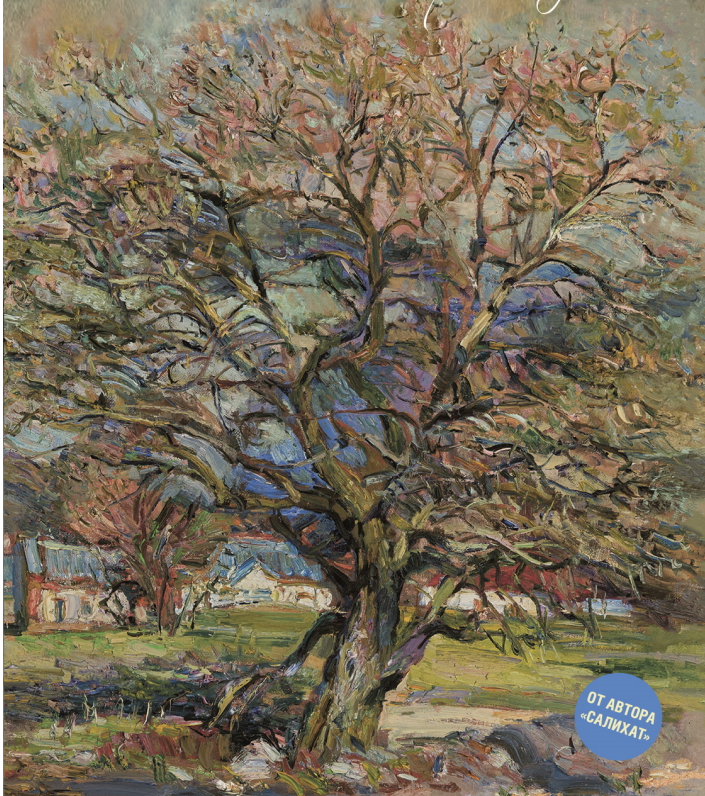

Наталья Елецкая

ҚИШТАМА

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ *Рукопись года*

ОТ АВТОРА
«САЛИХАТ»

Наталья Владимировна Елецкая

Киштама

Серия «Люди, которые всегда со мной»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73913447

Киштама : [роман] / Наталья Елецкая: АСТ: Астрель-СПб; Москва;

2026

ISBN 978-5-17-181925-5

Аннотация

Дебютный роман Натальи Елецкой «Салихат» стал финалистом Национальной литературной премии «Рукопись года» и был издан тиражом свыше 50 000 экземпляров. Последующие романы «Айбала. История повитухи» и «Таёжный, до востребования» повторили успех «Салихат».

В новом романе «Киштама» автор снова обращается к темам, затронутым в книгах «Салихат» и «Айбала», и рассказывает историю женщины, которая вынуждена делать непростой выбор между традициями своего рода и собственными чувствами.

1990-е, дагестанское село Цуриб. Юная Киштама живет с отцом Исмаилом и младшим братом. Мама и мачеха Киштамы погибли с разницей в четыре года, каждый из которых был високосным. Подруга Киштамы, Марьям, против воли становится

очередной женой Исмаила; она боится повторения участи своих предшественниц и уверена, что тоже умрет в високосный год.

Киштама помолвлена с братом Марьям, Арсеном, который уезжает на заработки, чтобы скопить на свадьбу. На стройке с ним происходит несчастный случай – он лишается руки. Исмаил не может допустить, чтобы его дочь вышла замуж за инвалида, и находит дочери нового жениха. Но Киштама не готова отказаться от любви к Арсену. Она сбегает из дома и отправляется к жениху, чтобы поддержать его.

Но готов ли Арсен к приезду невесты?

Сможет ли Киштама выйти замуж без благословения отца, который поклялся, что никогда не даст своего разрешения на этот брак?

И минует ли Марьям проклятие високосного года?..

Содержание

1	7
2	18
3	25
4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Наталья Елецкая

Киштама

Серия «Люди, которые всегда со мной»

Все события и персонажи в книге являются вымышленными

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

В оформлении обложки использована репродукция картины *Тимура Кагирова*

© Наталья Елецкая, текст, 2026

© Тимур Кагиров, ил., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

1

Мою маму забрала к себе Черная Река.

Так с аварского переводится Каракойсу¹. Река, берущая свое начало за перевалом Халахуркац², течет, извиваясь серебристой лентой и распадаясь на притоки, образуя узкие ущелья и каньоны и ежегодно забирая чужие жизни, словно дань, с незапамятных времен возложенную на сёла, разбросанные по пути ее следования.

Мы живем на окраине Цуриба³, откуда до Каракойсу при желании можно дойти пешком. Но желания у меня нет. Я никогда не хожу на берег реки. Я все еще не простила, я по-прежнему скорблю. Не только по маме, но и по Айшат, хотя ее река не забирала. В смерти Айшат виноват исключительно Азим. Но я не держу на него зла.

Я люблю Азима, словно собственного сына. На той неделе ему исполнилось три года, но он выглядит и ведет себя так, словно ему по меньшей мере пять. Когда отец совершает намаз, Азим стоит рядом на маленьком молельном коврике, старательно повторяет за отцом движения и шевелит губами,

---

¹ *Каракойсу* – река в Дагестане, протекает по территории Чародинского, Гунибского и Гергебильского районов.

² *Халахуркац* («Перевал длинных ущелий», *авар.*) – перевал высотой 3476 м, разделяющий верховья рек Самур и Каракойсу.

³ *Цуриб* – село, административный центр [Чародинского района](#).

хотя вряд ли понимает смысл того, что произносит.

Хотя мама и Айшат погибли каждая по-своему, в их смертях есть нечто общее: с обеими это случилось в високосный год.

Марьям где-то вычитала, что в такие годы чаще, чем обычно, случаются всякие неприятности и природные бедствия. Я не поверила: Марьям ведь читает всякие глупые журналы в ярких обложках, но поневоле задумалась, когда она принесла два потрепанных карманных календарика – за 1988 и 1992 годы – и показала обведенные карандашом лишние дни в феврале.

Мама погибла пять лет назад, в конце октября, через два дня после того, как мне исполнилось двенадцать. Она пропустила мой день рождения, потому что хоронила бабушку Джаннат, умершую накануне. Мама родом из села Гуниб, расположенного по ту сторону перевала. Бабушка Джаннат жила там в большом доме, окруженном фруктовым садом, со своим сыном Саидом, его женой и тремя их детьми. Когда бабушка Джаннат собралась умирать, дядя Саид сел в машину и поехал за сестрой. Мама успела вовремя. Бабушка обняла ее, прошептала: «Моя Разия!» – и навсегда закрыла глаза.

Я тоже хотела попрощаться с бабушкой, но у меня в тот день была высокая температура, и мама не взяла меня с собой. Это спасло мне жизнь.

На обратном пути, когда дядя Саид вез маму домой, ма-

шину занесло на серпантине, опоясывавшем гору, стоящую на подступах к Цурибу. Дядя не справился с управлением, потому что накануне выпал снег, ночью с гор спустился мороз, и дорога стала как каток.

Я часто думаю о последних маминых секундах, когда машина сорвалась в пропасть и полетела навстречу бурлящему потоку. Они выехали из Гуниба рано утром, чтобы дядя Саид успел потом на работу. Мама дремала на заднем сиденье. Когда машина устремилась вниз, она вряд ли успела проснуться и понять, что происходит; я очень надеюсь, что это так.

Дяде удалось выбраться из салона. Он снова и снова нырял в ледяную воду, пока хватало сил, но не смог вытащить маму. Она была пристегнута, и ремень безопасности заклинило. Когда ее наконец подняли на берег, она была мертва.

С Айшат случилось по-другому.

Отец женился на Айшат через полгода после маминой смерти. Она жила в соседнем подъезде и была старше меня на пять лет. Помню, как после никаха⁴, в начале апреля 1989-го, отец привел ее в дом – неожиданно тихую, в длинной юбке, по самые брови закутанную в платок, хотя до этого я каждый день видела ее на улице в обычных платьях, с полупрозрачной газовой косынкой на голове, нисколько не робкую. Айшат часто забегала в магазин отца, расположенный неподалеку, купить то одно, то другое. Ну и добегалась...

---

⁴ *Никах* – традиционный исламский обряд бракосочетания.

Мы с Айшат сразу подружились. Я не воспринимала ее как мачеху, скорее – как старшую сестру. Она помогала с уроками по тем предметам, по которым я отставала. Завуч велела мне *вытянуть год на тройки*, но в одиночку я бы не справилась, ведь раньше мне помогала мама. Возможно, отец для этого и женился на Айшат. Она с отличием окончила нашу восьмилетку и два года проучилась на медсестру в Буйнакске.

Айшат целый год не могла забеременеть. Я тогда не понимала этого, не понимала, почему через некоторое время после никаха отец стал сердитым, раздражительным, а Айшат – виновато заглядывающей ему в глаза, улыбающейся заискивающей улыбкой. Она еще более старательно, чем прежде, занималась хозяйством, каждый день ставила на стол вкусные блюда, наводила чистоту. Но отец все равно оставался недовольным. Айшат часто плакала украдкой, на мои расспросы или отмалчивалась, или сердилась, велела не лезть куда не просят. Я думала, отец ее обижает, но ничего ему не говорила, он и так был на себя не похож, часто на меня огрызнулся, а один раз, когда я принесла двойку по биологии, даже ударил по лицу. Вышло не столько больно, сколько обидно. Я заплакала, но отец этого не увидел: выбежал из квартиры, даже не пообедал.

Наконец это случилось: Айшат забеременела.

В тот апрельский день на Цуриб обрушилась непогода: ветер валил с ног, улицы захлестывал ливень, вода в Каракой-

су стремительно поднималась, грозя затопить прибрежные участки. После завтрака отец вышел из дому в своем черном дождевике и, согнувшись, с трудом преодолевая силу ветра, отправился открывать магазин, хотя было понятно, что в такую погоду покупатели не придут. Я смотрела на него из окна, залитого дождевыми струями, едва различая сквозь серую муть его большой темный силуэт, пока он не скрылся за поворотом. Услышав, как в прихожей шуршит своим дождевиком Айшат, я поняла, что она тоже куда-то собралась.

Были каникулы, поэтому я оставалась дома. В хорошую погоду я бы пошла к Марьям, вместо того чтобы решать ненавистные задачки, но в такой день по своей воле ни за что бы из дому не вышла. Перемыв после завтрака посуду, я уселась за кухонный стол, открыла учебник и тетрадь, погрызла колпачок ручки и стала читать условие задачи, но тут услышала, как Айшат собралась уходить.

– Ты куда?

– Не твоего ума дело.

Вид у мачехи был решительный. Она туго стянула под подбородком завязки дождевика, обула резиновые калоши и, прежде чем открыть входную дверь, велела:

– Решай задачи! Приду – проверю.

– А если отец вернется и спросит, где ты?

Айшат немного подумала и ответила с уверенностью, которой явно не испытывала:

– Он только к обеду придет. К этому времени я уже вер-

нусь.

Айшат, как и всякой замужней женщине, не позволялось выходить из дому без разрешения мужа. Если мужа нет дома, жена не может выйти даже по острой необходимости. Если у женщины есть сын, достигший тринадцати лет, он может сопровождать мать, но и тогда она рискует вызвать недовольство мужа, даже если они живут хорошо. А отец и без того гневался на Айшат. Не следовало ей уходить из дому без спросу, да еще в такую погоду.

Но Айшат все равно ушла.

Ее не было часа полтора. За это время я успела решить три задачи и погреть на сковородке чуду⁵ с сыром. Только поставила чайник, как услышала щелчок замка на входной двери и облегченно выдохнула: вернулась!

С Айшат струями стекала вода. Лицо у нее было мокрое, облепленное черными нитями волос, губы – синие от холода, а в глазах неожиданно плескалась радость, готовая вырваться наружу и раскрасить цветными кляксами пожелтевшие от времени обои, разошедшиеся доски пола, шкаф с зимней одеждой и двери, ведущие в залу, взрослую спальню и мою комнату, в которой помещались только кровать, стул и комод.

– Что ты, Айшат?

Она молча развязала тесемки дождевика, сняла его, встряхнула от воды и повесила на крючок. Разулась, подтер-

---

⁵ Чуду – дагестанские лепешки с начинкой, обжаренные на сухой сковороде.

ла тряпкой мокрый пол, повернулась ко мне и только тогда со сдержанным ликованием ответила:

– Я беременна, Киштама!

Я растерялась и спросила первое, что в голову пришло:

– А как ты это поняла?

– Да я за этим и ходила! – Она рассмеялась. – В амбулаторию ходила, к женскому доктору.

– Как же ты шла под таким дождем, да еще на другой конец села?

– Глупая! Понимаешь, что я тебе говорю, или нет?

– Понимаю. Ты беременная. А отец знает?

Бледные щеки Айшат окрасились румянцем.

– Нет еще. – Она повела носом. – Вкусно пахнет. Чуду погрела?

– Погрела. И чайник вот только закипел.

– Я так проголодалась!

Айшат ела жадно, она давно так не ела. Я смотрела на ее пальцы, разрывающие чуду пополам, и думала о том, что в ее животе поселился мой брат. Это было странно и неприятно. Брата мне должна была родить мама, но не успела, хотя и очень хотела.

Словно прочитав мои мысли, Айшат сказала, будто говорила со взрослой подругой:

– Разия не смогла родить Исмаилу других детей. После тебя у нее было три выкидыша, а потом она больше не могла беременеть.

– Выки... – Я попыталась повторить непонятное слово. – Как ты сказала?

– Исмаил так хочет сына, – проигнорировав мой вопрос, продолжала Айшат. – Так ждал его весь этот год. И вот сегодня я ему скажу, что будет сын.

– А если девочка?

– Молчи, да? – Она сердито замахнулась на меня полотенцем. – Не язык, а помело! Хватит твоему отцу одной девчонки, к тому же такой глупой, как ты.

– Я не глупая, – обиделась я. – Зачем все время обзываешься?

– Да я ведь не со злости, а так, – смягчилась Айшат. – Давай-ка мы с тобой натух⁶ приготовим! Сладкого очень хочется. И у нас вроде как праздник сегодня.

И мы стали готовить натух, и вечером я услышала, как отец снова смеется, и в нашей семье все опять стало хорошо, как в тот день, когда Айшат впервые переступила порог нашего дома.

Азим родился на месяц раньше срока, и Айшат принесла его из амбулатории не на следующий день после родов, а только через неделю. Он был слабенький, сморщенный и плакал так жалобно, пищал, словно котенок. Отец подолгу стоял над кроватью, хмурился, дергал себя за бороду, а Ай-

---

⁶ *Натух* – дагестанская сладость, похожая на татарский чак-чак, только с орехами.

шат, заглядывая через его плечо, говорила прежним заискивающим голосом, что ребенок станет нормальный, когда подрастет. Айшат вряд ли обманывала, она ведь училась на медсестру, однако отец ей не верил. Но другого сына у него все равно не было, поэтому он должен был радоваться и этому.

Айшат оказалась права: Азим только вначале был слабенький, а по весне начал расти, крепнуть, плакать басовито и требовательно. Айшат часто кормила его молоком, которого, хвала Аллаху, у нее было с избытком. Наверное, поэтому Азим рано встал на ножки, начал ходить по квартире, держась за руку матери и хватаясь за все, что попадалось на пути. После школы я возила брата в коляске по улицам. Он с любопытством разглядывал круглыми карими глазенками прохожих, дома, машины... Я представляла, что это мой сын, первенец, которого я с гордостью демонстрирую соседям. То был хороший и счастливый год. И следующий год до сентября – тоже.

Айшат очень хотела еще ребенка, и у нее снова получилось. Она сообщила, что беременная, в июле 1992-го. Отец так обрадовался, что подарил ей золотые серьги и браслет, хотя обычно муж дарит жене украшения не до, а после того, как она родит мальчика.

Я к тому времени окончила восьмилетку и работала в отцовском магазине, поэтому Айшат и хозяйством занималась, и за Азимом следила.

Не уследила...

Они шли на прогулку в парк, который находится между нашей улицей и берегом реки. Азим нес мяч и случайно выпустил его из рук. Мяч покатился под горку и выкатился на середину дороги. Азим побежал за мячом, Айшат – за Азимом. Она кричала: «Азим, стой!», но он не слушал. Айшат успела добежать до Азима, который был уже на середине дороги, и в этот момент увидела грузовик, выскочивший из-за поворота. Айшат оттолкнула Азима к тротуару, а сама отскочить не успела. Грузовик сбил ее насмерть.

Проводить Айшат собралась вся улица. Соседки плакали и всё несли и несли блюда для поминального стола, так что их стало некуда ставить. Отец сидел на полу в зале, безостановочно перебирая четки и устремив отрешенный взгляд в пространство между стеной и окном. Я боялась к нему подходить. Азима увели к себе родители Айшат. Я спохватилась, что его нет дома, только на другой день после похорон. Сходила к Хасановым и забрала Азима домой. Тетя Гульнара не хотела его отдавать, говорила: «Только он и остался у меня от дочери». Дядя Бахтияр отобрал у нее Азима и передал мне, сказав, что сын должен жить со своим отцом.

Так мы стали жить втроем. Отец поставил продавцом Абдуллу, сына своего друга, а я стала вести хозяйство и смотреть за Азимом. Первое время он спрашивал, где мама, потом перестал. Маленькие дети – как котята: помнят только то, что было накануне. Остальное забывают. Вот бы и мне

так забыть все плохое. Но я не могу, все продолжаю думать о маме и Айшат.

2

Марьям пришла странно возбужденная.

Обычно она ведет себя в гостях степенно, как и полагается приличной девушке, особенно когда мой отец дома. В такие дни Марьям тенью проскальзывает из прихожей в коридор, а оттуда – в мою комнату; мы пьем чай, держа чашки и тарелки на коленях, и говорим тихими голосами. Хотя в наших разговорах нет ничего запретного, все равно нельзя, чтобы отец нас слышал. Если бы мы жили в своем доме и в нем была бы женская половина, тогда другое дело, но в маленькой квартире приходится считаться с присутствием мужчины за стеной.

Но сегодня отец в магазине, принимает партию товара, как обычно по четвергам. Марьям это знает и поэтому вошла в квартиру не таясь, стянула с головы платок и прошла на кухню, где я пекла чуду с тыквой. Стол был весь в муке, но я быстро протерла его тряпкой, поставила чашки, пиалу с колотым сахаром и вазочку с вяленой хурмой.

– Где Азим? – спросила Марьям, едва не подпрыгивая на табурете от нетерпения.

Значит, принесла какие-то новости.

– У Хасановых. Тетя Гульнара сердцем хвора, боится – умрет скоро, хочет с внуком побольше побыть.

– Оно и понятно, единственную дочь разве легко поте-

рять?

– С того дня больше года прошло.

– Горе матери – всегда горе! – глубокомысленно изрекла Марьям.

– Ты где это вычитала?

– Нигде, – обиделась Марьям. – Думаешь, у меня своих мыслей нет?

Я вынула из духовки противень с румяными чуду, выложила их на блюдо и прикрыла чистым полотенцем.

– Хорошей женой кому-то станешь, – сказала Марьям со странной интонацией.

– Когда еще это случится...

– Да уж не позднее весны, верь моему слову.

– Отец так рано меня не отдаст. Кто станет за Азимом смотреть и хозяйство вести?

– В семнадцать – рано? – изумилась Марьям. – Еще год – и станет поздно. Никто не засватает.

– Тебе тоже семнадцать, а ты замуж не торопишься.

– Да я бы уж и вышла. Чего дома-то сидеть?

– Ты не сидишь, а матери в ателье помогаешь. В одиночку много ли она нашьет?

– Так и есть. Без Амины я для матери первая помощница. Отец уже двоим отказал. Арсен позавчера вернулся, знаешь?

– Знаю, – делано равнодушно ответила я, ставя перед ней чашку чая с чабрецом.

Мои руки помимо воли дрогнули, и немного чая проли-

лось на клеенку. Я поспешно отвернулась, чтобы Марьям не заметила моего волнения. Как всегда, при упоминании об Арсене у меня сладко заныло сердце. Это была моя тайна, которую я тщательно хранила от всех, даже от Марьям, которая приходится Арсену младшей сестрой.

Как хорошо, что она ничего не заметила.

– Почему не спрашиваешь про него?

– А чего спрашивать? – Я пожала плечами. – Видела его в августе, за три месяца он вряд ли изменился.

– А он про тебя спрашивал.

Марьям вытащила из-под полотенца чуду и стала есть, осторожно откусывая и дуя на пар, с лицом одновременно невинным и хитрым.

– Марьям, если знаешь новости – говори! Мне еще белье стирать и ужин готовить.

– Ладно, так и быть. К нам сейчас Зулейха Ахмедовна пришла.

– Моя тетя Зулейха?

– Можно подумать, в Цурибе есть другая Зулейха Ахмедовна!

Вдовая тетя Зулейха, старшая сестра отца, жила на другом конце села и раз в неделю приходила к нам в гости. Она относилась ко мне как к дочери, у нее-то только сыновья были, один давно умер, а двое других уехали в Россию, чтобы заработать на женитьбу. Я удивилась, что она к нам не зашла, а сразу пошла к Омаровым. Да и зачем ей вообще к ним хо-

дить? Разве они с матерью Марьям подруги? Нет, не подружки. Если бы тетя Зулейха решила сшить новое платье, она бы пришла к тете Саиде не домой, а в ателье.

– Зачем она пришла?

– А ты подумай, – сощурилась Марьям.

У меня вспыхнули уши, щеки, лоб. Я распахнула окно, выпуская с улицы студеной воздух, пахнувший скорым снегом, которым наполнились рыхлые серые тучи, с самого утра подпавшие верхушки гор.

– Догадалась наконец! – рассмеялась Марьям. – Радуйся, отец тебя любит, поэтому решил выдать за того, кто тебе нравится.

– С чего ты взяла, что Арсен мне нравится? – не очень убедительно возразила я.

– Да ты по нему еще со школы сохнешь. И вот что я скажу: ты ему тоже нравишься, иначе стал бы он о тебе расспрашивать, едва порог дома переступил. Как ты, да что ты, не вышла ли замуж... Сразу повеселел, когда узнал, что не вышла. Наверно, он в тот же день с нашим отцом переговорил. А тот – с твоим. Вот и пришла к нам Зулейха Ахмедовна.

Слова Марьям звучали убедительно, но я все равно не верила. Пыталась заглушить радость, но она вибрировала в моей душе, словно натянутая струна пандура⁷. Пожалуй, впервые со дня смерти Айшат я чему-то так сильно обрадовалась.

Арсен был самым красивым парнем в Цурибе: широко-

---

⁷ Пандур – аварский струнный инструмент.

плечий, белоzubый, с волнистыми каштановыми волосами и ямочкой на подбородке. Он окончил школу на год раньше меня и уехал в Буйнакск учиться на монтажника. Я боялась, что, пока Арсен учится, родители подыщут ему невесту, и надеялась, Марьям намекнет матери, что я хотела бы войти в их семью. Я никогда с ней об этом не говорила, хотя мы лучшие подруги. Нельзя порядочной девушке признаваться, что она влюблена в парня. Если бы тетя Зулейха об этом узнала, она бы меня палкой побила, вместо того чтобы идти сватать.

Арсен каждое лето приезжал в Цуриб на каникулы, чтобы помогать отцу с огородом (несколько лет назад дядя Рамиз начал выращивать овощи на продажу). Мы виделись мельком, когда я приходила к Марьям. Иногда перебрасывались парой слов, а потом я проскальзывала к ней в комнату. Мы болтали, а я прислушивалась к голосу Арсена в коридоре и представляла, что я его жена, а Марьям – моя золовка, и мы живем все вместе в квартире, но дальше этого никогда не думала.

– Слышала, о чем тетя Зулейха говорила?

– Ни словечка не слышала! – Марьям сделала круглые глаза. – Отец меня тут же из дома выставил. Потерпи, скоро сама узнаешь. Зулейха Ахмедовна от нас наверняка к вам придет.

Мы выпили чаю и поели чуду. Время тянулось ужасно медленно. Я вымыла посуду, замочила нут для супа. Марьям рассказывала про свадьбу двоюродной сестры, потом еще

про что-то... Я слушала краем уха, а сама поглядывала в окно – не идет ли тетя Зулейха. Наконец Марьям поднялась, стала прощаться.

– В ателье пойду, работать надо, все хотят к Новому году платья пошить.

Закрыв за подругой дверь, я вернулась к окну, стала всматриваться в рано наступившие сумерки. За стеклом кружились редкие снежинки, предвещавшие обещанный по радио снегопад. Почти полтора часа прошло, как Марьям пришла с новостью, а тетя Зулейха все не показывалась на нашей улице. Я сперва забеспокоилась, а потом догадалась: от Омаровых она сразу в магазин к отцу пошла. И почему я сразу об этом не подумала?..

Я едва дождалась вечера. Отец пришел уставший и раздраженный, как всегда, когда он принимал товар и что-то не сходилось по накладным. Пока он переодевался, я накрывала на стол. Руки дрожали. Тарелка упала и разбилась, я быстро собрала осколки и выбросила их в ведро.

За ужином я ждала, что отец сейчас скажет, что меня за сватали. Но он молчал. Ел, не поднимая глаз от тарелки, с таким мрачным видом, будто суп был пересолен или нут не разварился. Так же молча отодвинул пустую тарелку, встал и ушел в залу.

Я услышала, как забубнил телевизор. Включила воду и стала снова мыть посуду, недоумевая, что могло случиться. Неужели Омаровы отказали тете Зулейхе? Неужели нашли

Арсену другую невесту? Наверное, Марьям не догадалась сказать матери насчет меня.

Зачем, спрашивается, нужны такие подруги, если на них ни в чем нельзя положиться?..

3

Марьям рыдает.

– Что случилось? Что случилось, Марьям? – спрашиваю, должно быть, в десятый раз.

Она не отвечает. Трясет головой, прижимает к глазам пальцы, из-под которых текут слезы. Вчера, в это же самое время, она сидела на этом табурете, шутила и смеялась.

Азим просовывает голову в дверь, с любопытством спрашивает:

– Почему тетя Марьям плачет?

Я беру брата за руку и отвожу в залу. Даю ему машинку, велю сидеть тихо и не мешать нам. Возвращаюсь на кухню и строго говорю:

– Перестань! Сейчас отец вернется, начнет расспрашивать.

При упоминании о моем отце Марьям вздрагивает и странно на меня смотрит. В ее опухших, покрасневших от слез глазах плещется страх.

– Что? – упавшим голосом спрашиваю я.

Мне передается ее страх. Сейчас Марьям скажет что-то такое, что и меня касается.

– Меня засватали.

– Кто?

– Исмаил Ахмедович.

– Мой отец? – изумленно уточняю я.

– Как будто в нашем селе есть другой Исмаил Ахмедович!

Марьям снова начинает плакать.

– Кто тебе сказал?

– Отец.

– Когда?

– Вчера. Когда я от тебя вернулась.

– Что он сказал?

– Что Исмаил Ахмедович за меня посватался и он дал согласие.

– А ты что ответила?

– Что я не хочу!

– И что ты плачешь? Без твоего согласия тебя не выдадут.

– Ты это моему отцу расскажи! Он сперва свое согласие дал, а потом мне сообщил. С Аминой так же было, ее возражений никто не слушал.

– Значит, тетя Зулейха поэтому приходила, а не насчет меня и Арсена...

Марьям кивает. Я вижу по ее лицу, что она совсем не думает обо мне и Арсене, и не могу ее за это винить. Будь я на ее месте, тоже думала бы только о себе.

– И когда никак?

– Через две недели. Хотят успеть до Рамадана⁸.

Лицо Марьям кривится, губы дрожат. Мне ее жаль, но еще

---

⁸ В 1993 году священный для мусульман месяц Рамадан длился с 15 ноября по 14 декабря.

больше жаль себя. Я-то рассчитывала... так надеялась... всю ночь не спала, представляла, как отец за завтраком говорит то, что не сказал за ужином, как я смущенно опускаю глаза и на его вопрос, согласна ли я, ничего не отвечаю; молчание означает «да», порядочная девушка не должна показывать свою радость.

Всхлипы Марьям возвращают меня к реальности.

Она станет моей мачехой! Как такое возможно? Ведь мы подруги, ровесницы. А теперь мне придется ее слушаться и выполнять ее поручения, пока я сама не выйду замуж.

О том, что никах состоится, я думаю как о деле решенном. Марьям может это нравиться или не нравиться, но, если согласие получено, изменить ничего нельзя. Дядя Рамиз держит семью в строгости, никто из его детей, включая Арсена, не смеет его ослушаться. А это значит, что Марьям пора готовиться к никаху, ведь две недели пролетят очень быстро.

Я не понимаю, из-за чего она расстроилась. Мне даже немного обидно. Мой отец – хорошая партия. Да, он немолод, в феврале ему исполнится сорок, но и стариком его нельзя назвать. Седых волос у него почти нет, да и те появились после смерти Айшат, а бороды и вовсе седина не коснулась. И он вполне привлекателен. Мама говорила, что своей красотой я обязана отцу. Я действительно на него похожа: у нас одинаково густые темные волосы, золотисто-ореховые глаза, остро очерченные скулы и прямые, с небольшой горбинкой носы.

Наша семья считается обеспеченной. Бизнес отца хоть и небольшой, но прибыльный. В его магазине закупаются жители всех соседних улиц. Товары у него качественные, продукты свежие, и он никогда не обманет, наоборот, отвесит с небольшим прибытком, чтобы покупатель ушел довольный. И отец не деспот, как дядя Рамиз, никогда своих жен не бил.

С какой стороны ни посмотреть, жених он достойный.

Да и сама Марьям, если начистоту, не должна привередничать. Внешностью она тоже в отца пошла, только дядя Рамиз, как однажды сказала тетя Саида, немногим красивее обезьяны. Нельзя так непочтительно о муже, но ведь вернее не скажешь, и тут уже Арсену повезло, что ему досталась красота матери, а у Марьям даже ноги кривоваты, поэтому она и носит юбки в пол, а вовсе не из благочестия, как считают некоторые. И то, что дядя Рамиз двоим отказал, еще ни о чем не говорит. Их и женихами-то нельзя было назвать: один – пятидесятилетний хромым вдовец со взрослыми детьми, другой – младший из пяти сыновей Мамедовых, у которых денег хватило, только чтобы женить первых трех. Дядя Рамиз не такой дурак, чтобы дочь без выкупа отдавать, да еще в одну из самых бедных семей Цуриба. Поэтому Марьям не должна себе в заслугу ставить, что к ней несколько раз сватались.

Я даже удивилась, что отец именно ее выбрал. В Цурибе что, красивых невест не осталось?

– И чего ты убиваешься? Сама вчера говорила, что замуж

хочешь. Вот и выходи.

– Но это твой отец!

– А чем он плох? Ну сама подумай. Поселишься у нас – будем вместе готовить, болтать сколько душе угодно.

– Киштама, ты правда не понимаешь или притворяешься? – восклицает Марьям с отчаянием. – Если я за него выйду, то умру через три года!

Чего-чего, а такого я не ожидала. Думала, Марьям скажет, что отец ей не по возрасту, что за таких, как он, выходят или вдовы, или перестарки. Неужели она так расстроилась, что немножко умом повредилась? Или тетка Патимат ей посулила, что она родами умрет?

Хотя наша религия запрещает заниматься ворожбой, женщины регулярно заглядывают к тетке Патимат, которая будущее видит. Она и пол ребенка угадывает, и будет ли счастливой семейная жизнь, и всякое другое. Имам мечети, уважаемый хазрат⁹ Гулла, грозился выселить тетку Патимат из села, но за нее вступилась община: ее муж, сражаясь в Афганистане с моджахедами, погиб смертью храбрых. Каждый раз собираясь к тете Зулейхе, я думаю заглянуть к тетке Патимат (их заборы граничат), чтобы узнать насчет Арсена, но не решаюсь: вдруг услышу не то, что хочу услышать?

– Что за глупости, Марьям? Почему ты должна умереть?

– Все, на ком твой отец женится, умирают.

---

⁹ *Хазрат* – исламский религиозный статус, так же уважительное обращение к исламскому религиозному деятелю.

– А почему через три года?

– Снова будет високосный год.

– Дался тебе этот високосный год! Что ты к нему прицепилась?

– Скажешь, это совпадение, что и твоя мама, и мачеха...

– Конечно, совпадение! – горячо перебиваю я, но нотка сомнения невольно проскальзывает в моем голосе.

– Вот видишь! – тут же вскидывается Марьям.

А вдруг она права? Я не хочу, чтобы она умерла. У меня тогда совсем подруг не останется. Другие одноклассницы или вышли замуж и разъехались кто куда, или учатся в Буйнакске. Да и жалко Марьям, она хорошая, хотя и глуповата и на язык несдержанна.

– Ну и что делать? – спрашиваю я, признавая свое поражение.

– Поговори с отцом! Пусть сходит к моему отцу и скажет, что передумал. О помолвке ведь еще не успели объявить. Это будет неофициальный отказ. Киштама, миленькая, не хочу я умирать такой молодой. Представь, если бы тебя отдали за дважды вдовца, как бы тебе стало?

– Ладно. – Я поднимаюсь. – Побудь пока тут.

– Ой, нет! – Марьям тоже вскакивает. – А вдруг вы разминетесь? Исмаил Ахмедович придет, а я тут сижу одна...

– Ты не одна, а с Азимом. Не могу я его с собой взять. Он хоть и маленький, но смысленный, услышит наш с отцом разговор и станет вопросы задавать.

Марьям соглашается, что я права, и обещает не уходить, пока я не вернусь.

Я надеваю пальто и галоши, повязываю голову шерстяным платком, выхожу из квартиры, спускаюсь по пропахшей шурпой лестнице и ныряю в непогоду, как отчаянные пловцы летом ныряют в Каракойсу, чтобы переплыть на другой берег.

4

Ветер швыряет мне в лицо горсть мокрого снега, задувает под пальто. Я почти бегу по безлюдной улице, хотя девушке не пристало так ходить. Сейчас я не думаю о том, что кто-то может увидеть меня из окна и осуждающе покачать головой, мол, дочка у Джавадова совсем распустилась без материнского надзора. Я думаю, что сказать отцу. Как убедить его не жениться на Марьям? Не могу же я сказать, что она умрет через три года, если станет его женой. Он тогда решит, что я тоже умом повредилась.

Магазин представляет собой небольшой ангар, обшитый листовым железом и крытый шифером. Он втиснут между двухэтажным жилым домом и почтовым отделением. Над входом – поблекшая вывеска «Промтовары». Отец начинал с хозяйственных товаров, но, когда два года назад поблизости закрылся продуктовый магазин, поставил дополнительные стеллажи и стал торговать еще и консервами, крупами, сахаром, специями, маслом, корнеплодами. Поэтому в магазине одновременно пахнет стиральным порошком, керосином, черным перцем и картошкой. Когда я работала продавщицей, постоянно чихала, и покупатели думали, что у меня простуда.

Когда я вхожу, Абдулла оборачивается от полки, на которой он расставляет банки с консервированной фасолью, и

почтительно здоровается. Хотя мы ровесники, я для него – дочь хозяина. Абдулла маленький, худой и выглядит изможденным, словно недавно перенес тяжелую болезнь, но при этом неожиданно сильный, я не раз видела, как он легко, словно играючи, вскидывает на плечо мешок с картошкой или луком, выгружает из машины ящики с консервами и двадцатилитровые бидоны с подсолнечным маслом.

Покупателей нет, что неудивительно в такую погоду и в такое время, перед самым обедом, когда хозяйки заняты на кухне, разве что пришлют сынишку или внука за спичками или солью. Я прохожу в заднюю часть ангара, где рядом с подсобкой, в которой хранятся товары, у отца устроен кабинет. Там он ведет расходные книги, держит выручку и принимает поставщиков.

– Киштама? – удивленно произносит отец, откладывая калькулятор и стопку счетов. – Ты зачем пришла?

– Нужно поговорить.

Я вешаю на крючок пальто и остаюсь стоять в ожидании разрешения сесть.

– Садись. Говори, только быстро. Ко мне скоро придут.

– Марьям сказала, ее за тебя засватали...

– Да. Никах через две недели.

– Она не хочет. Просит, чтобы ты передумал.

– Что? – резко спрашивает отец.

В этом коротком слове – недоумение, гнев, растерянность. Мои ладони от страха становятся влажными. Я понимаю, что

говорить дальше опасно и надо остановиться, но я ведь пообещала Марьям, что попробую ей помочь.

– Пожалуйста, отец, засватай другую девушку! О помолвке ведь еще не объявили. Ты можешь сказать дяде Рамизу, что не подумал о том, что мы с Марьям подруги. Как же она станет моей мачехой? Что люди скажут? Что ты ее выбрал, еще когда она ходила ко мне уроки делать?

Я была готова к тому, что отец велит мне не вмешиваться не в свое дело и отправит обратно домой. Но вместо этого он неожиданно начинает говорить со мной, как если бы разговаривал с равным себе. Его голос почти спокоен, когда он спрашивает:

– Киштама, ты когда в последний раз уроки делала? Еще когда Айшат была жива. Как я мог смотреть на другую девушку, которой тогда еще пятнадцати не исполнилось? И что с того, что вы с Марьям подруги? Разве Аллах запрещает мужчине брать в жены подруг своей дочери?

Я не ожидала, что разговор повернется в такую сторону. У меня не осталось аргументов, кроме последнего. Набираюсь смелости и, опустив глаза, говорю:

– Она боится, что тогда тоже умрет... Как мама, как Айшат. Такое ведь возможно?

Отец молчит. Он молчит так долго, что я наконец решаюсь взглянуть на него.

У него странное выражение лица, словно мыслями он не здесь, а где-то далеко. Я надеюсь, что он скажет: «Ты права.

Не надо мне жениться на Марьям».

– Киштама, ты хочешь выйти за Арсена Омарова?

Мои щеки вспыхивают огнем. Вот он – вопрос, которого я так ждала!

Но почему отец заговорил об этом сейчас, когда мы обсуждаем его женитьбу на Марьям?..

– Так да или нет, Киштама?

– Да, – едва слышно выдыхаю я.

Я никогда не обманываю отца. Да и зачем скрывать? Я не хочу, чтобы он выдал меня за кого-то другого. А он сделает это сразу, как только женится, потому что я стану в доме лишней. Вести хозяйство и смотреть за Азимом будет его новая жена.

– Ты знаешь, что Омаровы нуждаются. Арсен не сможет жениться, пока не заработает на махр¹⁰. Ему придется надолго уехать на заработки. А я хочу не только выплатить Марьям положенный махр, который будет принадлежать только ей, но и дать за нее выкуп, чтобы Рамиз использовал его в качестве махра для сына. Тогда Арсену не придется уезжать, и он сможет к тебе посвататься. Я выдам тебя только за того, кто даст достойный махр, ведь ты – моя единственная дочь и не должна ни в чем нуждаться в доме мужа. Понимаешь, Киштама?

Отец словно прочел мои мысли, он говорит то, о чем я

---

¹⁰ *Махр* в мусульманском семейном праве – имущество, которое муж выделяет жене, одно из главных условий для заключения брака.

думала минутой раньше. Но я не думала, что он предложит сделку: его женитьба на Марьям в обмен на мое замужество с Арсеном.

– Марьям может отказаться, – вкрадчиво говорит отец, – ее никто не неволит. Твоя тетя так и сказала Рамизу Омарову: не принуждайте дочь, пусть решает сама. Но подумай, Киштама, чего лишится твоя подруга, если откажется. Разве я был плохим мужем для твоей матери или мачехи? Разве они жаловались на свою жизнь? Я их обеспечивал, уважал, пальцем не трогал. Разве может мать Марьям сказать так о своем муже? Да и много ли в Цурибе достойных женихов? Я твоей подруге благодеяние делаю, даю за нее и выкуп, и махр. Пусть отказывается, если у нее в голове пусто, мне не нужна глупая жена! – Отец фыркает и пренебрежительно машет рукой.

Я боюсь, что теперь отец передумает, не захочет на Марьям жениться. В этом случае он, скорее всего, выдаст меня за своего ровесника, ведь большинство парней уехали на заработки, как мои двоюродные братья. С тех пор как в стране началась перестройка, с работой стало плохо, все перебиваются как могут. Многие жены Цуриба годами не видят мужей, которые работают на стройках и рынках в России. Если Арсен уедет, я тоже долго его не увижу. Одно дело, когда он учился в Буйнакске и приезжал домой на каникулы, и совсем другое – далекий российский город, где у него даже выходных не будет, потому что там работают и днем и ночью.

Дверь приоткрывается. Отец кивает кому-то за моей спиной и нетерпеливо говорит:

– Иди домой, Киштама, ко мне пришли.

Я поднимаюсь и сбивчиво говорю:

– Я постараюсь убедить Марьям, что она напрасно переживает...

– Вот-вот, скажи, чтобы выбросила эти глупости из головы и готовилась к никаху.

В магазине Абдулла обслуживает покупательницу и еще две женщины стоят в очереди. Направляясь к выходу, я думаю о том, что благодаря отцу ни в чем не нуждаюсь. У меня хорошая одежда, в квартире есть техника и не нужно экономить на продуктах, на нашем столе каждый день мясные кушанья. У Марьям не так. Она ходит в скромных платьях, и тетя Саида только дважды в неделю готовит мясное, остальные дни семья ест чуду с овощами, мучари¹¹ или курзе¹² с картошкой. У тети Саиды много клиенток, но платят они в меру своих возможностей, а семья у Омаровых большая: кроме Арсена и Марьям еще четверо детей, и самому младшему, родившемуся больным, нужны дорогие лекарства. Дядя Рамиз выдал старшую дочь Амину за пятидесятилетнего чабана, живущего в ауле высоко в горах, чтобы избавиться

---

¹¹ *Мучари* – дагестанские оладьи из кукурузной муки и кефира, часто подаются с брынзой из овечьего молока.

¹² *Курзе* – дагестанские пельмени, которые лепятся косичкой и начиняются мясом, яйцами, картофелем или творогом.

от лишнего рта. Как же Амина плакала, когда ее увозили!
Неужели Марьям хочет такой же участи?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.